

ПРАКТИКИ МЕДИАЦИИ

Марат Авдыев¹

СЕМЕЙНАЯ КО-МЕДИАЦИЯ: ОТ УЧЕБНЫХ КЕЙСОВ И СОЦСЕТЕЙ К СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. В статье рассматривается возможность использования современных коммуникационных ресурсов для проведения онлайн медиации и урегулирования семейных споров. На конкретных кейсах описываются способы достижения соглашения спорящими сторонами в условиях, когда конфликтующие могут находиться в разных городах, странах, используя для информационно-коммуникационные каналы. Сделан вывод о влиянии медиации как нового подхода в разрешении споров и роли медиатора как социального инноватора.

Ключевые слова: семейная медиация; развод; медиативное соглашение; онлайн-разрешение споров; правозащитная деятельность.

Marat Avdyev

FAMILY CO-MEDIATION: FROM TRAINING CASES AND SOCIAL NETWORKS TO SOCIAL PRACTICE

Abstract. The author poses the question about using of contemporary communication techniques and tools for online family mediation and divorce agreements. Case studies describe ways to achieve agreement by the disputing spouses and children in a situation where the conflicting parties can be located in different cities and countries using information and communication channels. The conclusion is made about the role of mediation as a new approach to resolving disputes and the position of the mediator as a social innovator.

Keywords: family mediation; divorce agreement; settlement; online dispute resolution (ODR); social human rights.

¹ © М.А. Авдыев, 2017.

Онлайн-разрешение споров (ODR, online dispute resolution)² находится на пике интереса международного сообщества профессиональных посредников по урегулированию споров. Всего десять лет назад Лиза Паркинсон упоминала о положительных примерах использования телемедиации [Паркинсон 2010: 361], а за прошедшее десятилетие получили бурное развитие социальные сети, интернет и мобильные устройства, позволяющие легко создавать видеоконтент. Конвергентные масс-медиа, объединяющие в одно целое текст, звук и видео, увы, стали инструментами манипуляций сознанием потребителей и избирателей. Специалисты заговорили о начале эпохи информационных войн [Тоффлер, Тоффлер 2005: 114]. Ряд экспертов отмечает тесную связь деятельности террористических групп с масс-медиа и некоторыми мессенджерами³.

Вместе с тем, социальные сети — это мощный коммуникационный ресурс, который можно и нужно использовать для миротворческих целей. Важно помнить, что изначально прародитель Интернета — первая локальная сеть замыслилась как научный проект, преследующий гуманистические, а не военные цели [Metcalfe, Bogs 1976: 395-404]. Как подчеркнул глава Минкомсвязи Никифоров, касаясь вопросов профилактики детского суицида, одними запретами проблемы не решить — необходим положительный контент в социальных сетях [Мисливская 2017]. Этот положительный контент и смыслы могут конструировать агенты социального взаимодействия, способствующие мирному урегулированию споров.

Учебная сессия медиации, загруженная в сеть, позитивно влияет на участников аналогичных конфликтных ситуаций. Автору известны случаи обращения с запросом на медиацию со стороны спорящих сторон, которые ссылались на аналогичный кейс, размещенный в сети, и даже называли имена и роли персонажей, с целью быстрого описания ситуации! Из этого примера можно сделать вывод о желательности объединения усилий российского сообщества медиаторов для создания регулярного обновляемых каналов кейсов медиации и публикации успешных историй урегулирования конфликтов. Почетное место при этом можно выделить семейной медиации в силу ее высокой социальной значимости: она востребована как в малых городах и населенных пунктах, так и в мегаполисах; от гармоничных отношений в семье выигрывает общество в целом; семейные споры, как правило, не разрешимы с позиции состязательного подхода, простое следование процессуальным правилам в ходе урегулирования семейных споров нередко заводит в тупик. В отечественной практике известны случаи, когда длительный спор между наследниками градообразующего предприятия, осложненный коллизиями подведомственности привел к остановке предприятия и усугублению социальной ситуации в связи с простым производством и невыплатой зарплаты. Аналогичный спор описан в сообщении [Картошина 2016].

² В настоящее время терминология в области онлайн-урегулирования споров находится в стадии становления. Подробнее см. русскоязычную страницу сайта Международной торговой палаты (ICC): <http://www.iccwbo.ru/blog/2016/razreshenie-sporov-onlayn-pervye-shagi-i-perspekti/>. — *Примеч. ред.*

³ См., например: <https://ru.insider.pro/technologies/2016-05-11/kakie-messendzhery-ispolzuiut-terroristy/>. — *Примеч. ред.*

Информационно-коммуникационные каналы (ИКТ) давно используются для целей семейной медиации. Можно отметить зарубежный положительный опыт программы семейной медиации MIAM [Bloch et al. 2014], базирующийся на обычных телефонных переговорах. Если дополнить диалог передачей видеоконтента высокого качества (HD и даже 3D), возможностью его записи «на лету» с целью экстернализации проблем, анализа положительных эпизодов, и уплотнения успешной истории взаимодействия конфликтующих сторон, то такой способ урегулирования может переубедить даже заядлых скептиков любых новых технологий.

Семейная медиация онлайн особенно востребована, когда супруги находятся в разных городах, странах или совместные встречи супругов сопряжены и риском оскорблений и даже побоев. Заметим, что агрессия в семейных спорах — явление, увы, обычное и не только для россиян, жителей Казахстана, Беларуси; в работе [Уинслэйд, Монк 2009] говорится о побоях, укусах, черепно-мозговых травмах и попытках удушения в американских семьях. В статье судебного медиатора Марии Эуджении Соле [Sole 2013] не случайно говорится об онлайн-медиации как о средстве для предотвращения домашнего насилия. Тема домашнего насилия настолько обширна, что заслуживает отдельного рассмотрения. Мы рассмотрим несколько кейсов из практики семейной медиации и правозащитной деятельности. Во всех кейсах имена сторон, регионы проживания, денежные суммы, предметы заявленных судебных споров были изменены по соображениям сохранения конфиденциальности и защиты персональных данных.

Кейс I. Затяжной семейный спор

Татьяна (преподаватель английского языка) и Михаил (военнослужащий, воинское звание — капитан) прожили в браке пятнадцать лет. Общему сыну Олегу — четырнадцать лет. В конце 90-х годов семья проживала в военном городке, в служебной двухкомнатной квартире от воинской части. За девять лет до обращения к медиатору произошел развод. Татьяна ушла к другому мужчине — полковнику, суд определил место проживания сына Олега в новой семье. Татьяна сменила не только место жительства, переехав в город, но и открыла переводческое агентство по письменным переводам технических текстов. Мешали семейному счастью лишь настойчивые судебные преследования со стороны бывшего супруга Михаила, который постоянно подавал все новые и новые иски в отношении пользования квартирой от воинской части. Михаил обосновывал свои требования тем, что именно он является военнослужащим. Татьяна возражает, ссылаясь на уже вступившее в законную силу решением суда о вселении с указанием конкретной комнаты в спорной квартире.

Адвокаты обеих сторон неоднократно пытались примирить бывших супругов. Они указывали на явную иррациональность продолжения затяжной позиционной «войны»: квартира стоит закрытой уже восемь лет. Почему бы ее не сдать в наем? Не приватизировать? Наконец, не продать? Татьяна охотно соглашается с любым вариантом. Михаил сначала соглашается, но, явившись в суд, приходит в ярость и отказывается заключать мировую. При встречах он постоянно оскорбляет Татья-

ну, обличая ее в предательстве и неверности; диалог превращается в «разнос» с возможностью нанесения побоев в гневе со стороны Михаила.

Приглашенный медиатор предложил Татьяне провести медиацию, но не в кабинете с «тревожной кнопкой» и «конспиративными явками», как рекомендует Лиза Паркинсон (семейный медиатор из Англии), а в онлайн-режиме, когда контрагенты находятся в разных кабинетах и общаются через веб-камеру. Массово распространенный скоростной интернет и большие экраны обеспечивают высокое качество связи и условия для вербального и невербального взаимодействия.

В ходе медиации Михаил несколько раз не справлялся с собственными эмоциями, и Татьяна отключалась от сеанса видеосвязи. Затем Михаил признался, что сожалеет о проявленном гневе, в очередной раз помешавшем ему договариваться с Татьяной и своим сыном Олегом, мнение которого неожиданно не совпало с мнением его отца. Произошло переосмысление конфликтной ситуации всеми сторонами. Наконец бывшие супруги, ранее находившиеся на грани нервного срыва, смогли приступить к нормальному диалогу.

Технические сложности преодолимы за счет ко-медиации. Если сами стороны недостаточно уверенно владеют технологиями, то медиаторы (но не представители сторон!), работающие в тандеме по разные стороны веб-камеры, могут им помочь. Очень плодотворно сетевое межрегиональное/международное взаимодействие семейных медиаторов онлайн, как хорошей возможности для начала/развития медиативных практик.

В изложенном примере медиатор работал с представлениями сторон о конфликтной ситуации, стимулировал стороны спора размышлять над дискурсивными позициями. Что есть честное и справедливое? Почему супруг/супруга вправе претендовать на что-либо или напротив, обязан/обязана? В результате нескольких пре-кокусов (т.е. отдельных встреч до общей сессии медиации) стороны согласились о регламенте примирительных процедур, а уже в ходе медиации выработали решение приватизировать и продать спорную квартиру и разделить деньги в определенном соотношении. Михаил возобновил встречи с сыном Олегом, который решил провести отпуск на даче с отцом. С юридических позиций решение очень простое и очевидное. Сложность заключалась в достижении разделяемых взглядов на конфликтную ситуацию, в пересочинении такого варианта будущего, который устраивает всех [Уинслэйд, Монк 2009].

Представляется полезным в ходе семейной медиации, проводимой с использованием веб-камеры и автоматического протоколирования, применять технологию рефрейминга. Описанная ниже технология снимает ряд рутинных аспектов и позволяет уделить интересам конфликтующих больше внимания. Сюжеты видеоклипов (фреймов) конфликтной истории автоматически нарезаются и группируются таким образом, чтобы подчеркнуть лучшее, положительное (т.н. уплотнение успешной истории) и, наоборот, отфильтровать негативное. Часть таких положительных сюжетов, включая сюжеты из пре-кокусов, с разрешения каждого супруга была показана другой стороне спора. В конце концов, бывшие супруги стали принимать во внимание чувства и эмоции другой стороны, их интересы. Именно это помогло в достижении медиативного соглашения.

Кейс II. Ребенок как средство мщения

В этом кейсе, находящемся в работе, экс-супруга мастерски обходит решение суда о регламенте общения отца с ребенком. В ход идут сомнительные психолого-педагогические заключения и характеристики, лишь имитирующие научный подход, но имеющие явно заказной характер. (Приходится оспаривать их в суде с позиции науки, фиксировать нарушение методологии и принципов объективности суждений). И вот отец, честно выигравший в суде, два года не может встретиться с десятилетним сыном, которого за пару лет с момента вынесения решения суда воспитали мать и отчим в ненависти к отцу. «Я его никогда не прощу», — это он об отце, которого называет теперь по фамилии. И на вопрос суда: «За что?» — десятилетний мальчик поясняет, что родной отец заставлял его мыть посуду. «Но разве мы не должны трудиться и убирать за собой?» — спрашивает судья... Далее прочие детские аргументы, за которыми так прослеживаются обиды матери.

Не случайно медиаторы-приверженцы нарративного подхода Дж. Унслейд и Дж. Монк с грустью иронией констатируют, что дети в суде приравниваются к движимому имуществу без права голоса [Уйнслэйд, Монк 2009].

Культивирюя ненависть к отцу и его близким

Характерно, что в этом семейном конфликте на момент решения суда мальчик был привязан к отцу, бабушке, к сводным брату и сестре. Это легко прослеживается из семейных фото- и видеоальбомов. Но затем что-то случилось (нечто неизвестное), и теперь мальчик поясняет, что он уже взрослый, он сам принимает решения и сам не желает встречаться с отцом, «который ему надоел» (всего лишь за несколько эпизодических встреч за пару лет!), и что это желание порвать с отцом навсегда исходит лично от него самого! Этот тезис мальчик повторяет многократно с особой настойчивостью. Затем после суда он садится в автомобиль с матерью и отчимом и вдруг начинает рыдать. Думается, что такая реакция объясняется переживаемым конфликтом ребенка по поводу отношений разведенных родителей. В действительности, сердце ребенка подсказывает, что родного отца он любит, но взрослые мама и отчим сильно ожидают иного поведения от мальчика и поощряют его именно на этом пути. Мальчик успешно сыграл отведенную ему роль в суде, но потом сорвался . . .

Семейная медиация дает шанс

Заручившись поддержкой детского омбудсмена, Управления Министерства социального развития по региону, оспорив бездействие судебного пристава-исполнителя в вышестоящие инстанции и в суде, мы как медиаторы рассчитываем прежде всего на семейную медиацию. Ведь если отец не лишен родительских прав, занимает руководящую должность, уплатил алименты на пять лет вперед (!) и заключил об этом ряд мировых соглашений с матерью ребенка, то запрещать ему видеться с ребенком нельзя: это вступает в острый конфликт с Законом и с интересами ребенка. Данную правовую позицию поддержало Управление Министерства социального развития по региону и детский омбудсмен, но одновременно право отца видеть с родным сыном ставят под сомнения районные органы опеки и

судебный пристав-исполнитель. Говорить о единых подходах госорганов, к сфере ведения которых относится регламент отношений отдельно проживающего родителя с ребенком (отца с сыном), в данном кейсе невозможно.

Отец потребовал исключить из материалов исполнительного производства подложное доказательство. При этом он указал на имитационный характер проведения исследования, основанного на методике Жилия. Методика Р. Жилия — это инструмент глубинного изучения личности, а также в исследованиях, требующих измерений и статистической обработки. Методика позволяет измерить переменные, характеризующие конкретно-личностные отношения ребенка: отношение к семейному окружению: мать, отец, бабушка, сестра, брат и др., отношение к другу/подруге и пр. Между тем, в заключении, основанном на данных экспериментального психологического обследования, которое было положено в основу постановления о прекращении исполнительного производства, не исследовались отношения сына, ставшего предметом раздора, к бабушке, брату. Численные значения переменных, шкалы, номера заданий в экспертном заключении отсутствовали, статистическая обработка не производилась. Другими словами, исследование проводилось либо не в полном объеме, либо не проводилось совсем, а являлось лишь внешней имитацией экспертной работы. Более того, на стадии исполнительного производства недопустимы любые экспертизы, не должно учитываться мнение ребенка — эти вопросы относятся к прерогативе суда и специально оговорены процессуальным кодексом: назначение экспертизы, ответственность эксперта, круг вопросов и выбор кандидатуры эксперта. Мнение ребенка также может учитываться, но только на этапе судебного разбирательства. Роль пристава заключается в неукоснительном исполнении судебного решения.

К сожалению, квалификация судей в данном деле также оставляет желать лучшего: пару лет назад суд вынес решение, подробно исследовав обстоятельства дела, и детально описал регламент общения отца с сыном: дни недели, часы, отпуски. Но всего двумя годами позже другой судья того же суда вынес определение, поддерживающее позицию судебного пристава: исполнение решения суда прекратить в связи с невозможностью исполнения — из-за личного желания ребенка не видеться с отцом. Выходит, что и не пытаясь изменить судебное решение в установленном законом порядке, супруга тем не менее достигла своих целей, спекулируя на интересах ребенка с помощью изоляции, манипуляции, что представляет собой разновидность причинения морального вреда ребенку, и фактическое лишение прав отцовства без законных оснований и вопреки судебному решению.

Необходимо исследовать причины, заставившие ребенка оболгать отца — не скрываются ли здесь интересы взрослых людей? В частности, желание матери ребенка причинить боль, отомстить бывшему супругу через демонизацию образа отца в представлении сына? Такие действия со стороны родителя недопустимы в силу ст. 65 Семейного кодекса Российской Федерации: «Родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. Обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей. и должны быть пресечены государственными органами в целях защиты интересов семьи, детей

материнства и отцовства». В этой ситуации ребенку необходимы помощь и реабилитационные процедуры (восстановительные процедуры), направленные на восстановление нормальных отношений с отцом и родственниками по его линии.

Поэтому сторонам этого сложного семейного конфликта необходимо предоставить шанс восстановления нормальных отношений, т. е. реабилитационные процедуры. Роль восстановительного подхода положительно отмечена в работе [Правосудие 2012]. Необходимость создания системы защиты и обеспечения прав и интересов детей и дружественного к ребенку правосудия отмечается в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы⁴, а также в Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации⁵.

Принуждая родителей к миру

Другая альтернатива заключается в том, чтобы регулярно налагать штраф на мать ребенка согласно п. 3 ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», ограничивать права на выезд за пределы России, ставить вопрос о злостном неисполнении решения суда (это уже УК РФ) и применять другие законные меры за причинение вреда психике и здоровью мальчика. Представляется что семейная медиация — наилучший выход в данном кейсе. Что, если попробовать изменить/уточнить способ исполнения решения суда, приняв во внимание мнение самого ребенка в той части, в которой оно не противоречит его интересам. С учетом достижения десятилетнего возраста мальчика (ст. 57 Семейного кодекса РФ) это возможно, хотя в самом решении суда мнение ребенка даже не принималось во внимание — ему было на тот момент всего 8 лет. Что, если утвердить через суд в рамках уточнения исполнения решения, принимая во внимание очевидную эмоциональную травму и изоляцию ребенка (моббинг), программу реабилитации для восстановления отношений мальчика с родным отцом, отношений между разведенными родителями, отношений между бабушкой и сводными братом и сестрой?

И вот медиация началась, очень робко, неуверенно, путем обмена репликами в СМС-стиле через мессенджеры (пре-кокусы), путем опосредованного диалога в залах судебных заседаний и коридорах суда — но все это указывает на положительную тенденцию. По опыту автора, эта стадия может занять несколько месяцев.

Изложенный кейс очень типичен для российской практики. Только каждый сотый родитель не стремится помешать второй половине видеть ребенка в определенные судом часы и дни. И лишь сорок процентов родителей добровольно передают другому ребенка, проиграв в суде. Об этом говорят цифры статисти-

⁴ См. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 годы». — <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35418>.

⁵ См. Распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 1430-р. — <https://rg.ru/2014/08/04/mediaciya-site-dok.html>.

ки Федеральной службы судебных приставов. Остальных родителей-должников представители этой службы регулярно навещают. Но и спустя месяцы половина решений остаются неисполненными [Барабаш 2017].

Кейс III. Конфликт между поколениями

Этот кейс иллюстрирует конфликт между поколениями. Пятилетний правнук плевал на своего прадеда на глазах отца, играющего на компьютере, под девизом: «Ну и что, пусть ребенок развивается!» Молодая семья выживала восьмидесятилетнего хозяина из двухкомнатной муниципальной квартиры. Все началось с просьбы дочери-пенсионерки прописать внучку на жилплощади деда — главного нанимателя. Впоследствии внучка вышла замуж и родила двоих детей. Молодая семья стала пользоваться квартирой на правах хозяев. Самого деда при этом «задвинули» на задний план жизни, выбросили его старые вещи и обувь как ненужный хлам.

Деду более восьмидесяти лет, он приобрел целый «букет болезней», но его же внучка и ее супруг ведут ожесточенную тяжбу по пресловутому квартирному вопросу. Лет пять назад дед неосторожно разрешил внучке, тогда еще незамужней девушке, проживать в его государственной квартире. За прошедшие годы внучка вышла замуж и родила двоих детей. Площадь небольшой двухкомнатной квартиры совсем недостаточна для проживания этой расширенной семьи (в отличие от нуклеарной: родители и их дети, более привычной для урбанизированных мегаполисов). И вот молодая семья начала «выживать» самого деда, всеми своими поступками показывая его ненужность и неуместность в квартире. Они сделали косметический ремонт, установили современные пластиковые окна в квартире. Молодая семья к тому времени приобрела также крохотную квартиру в ином, «непрестижном» районе города через ипотеку, но квартиру деда и регистрацию (прописку) стремилась сохранить, вынашивая планы последующей приватизации муниципального жилья.

Дед бесшумно, как тень, передвигается по половицам, чтобы не мешать внукам, которым, разумеется, отдается все лучшее в жизни. Дед чаще остается ночевать у своей уже престарелой дочери, уже также пенсионерки, живущей в пригороде. К сожалению, добрые увещания медиатора здесь не сработали.

И тогда дед по рекомендации правозащитников, преодолев собственную деликатность, направил молодой семье письмо, потребовал вернуть его вещи, сменил замок, а затем подал в суд иск с просьбой признать внучку, ее мужа и их детей утратившими право на проживание в его квартире — и выиграл! Однако на этом история не закончилась: молодая семья подала апелляцию, ссылаясь на ведение общего хозяйства с главным нанимателем, т.е. дедом. Также апеллянты просили признать их другими родственниками и высокопарно ссылались на Конституцию (право на жилище).

Между тем в отзыве дед опроверг эти доводы свидетельскими показаниями и фактами. Молодая семья даже не считала нужным советоваться с престарелым родственником, принимая решение о заключении договора ипотеки, а, напротив,

открыто пренебрегала своим дедом. Показателен пример, когда пятилетний правнук ради забавы плевал на своего деда прямо на глазах своего отца и с его молчаливого согласия: ведь это красноречиво выражает отношение самих родителей к старшему поколению.

Конституцию прадед попросил применить по отношению к себе: в отличие от молодых людей он лишен возможности заработать иную жилплощадь своими силами и на свою пенсию, поскольку здоровье не позволяет (дед — инвалид II группы). А нынешнюю квартиру он получил как ветеран труда за тридцать лет хорошей работы на птицефабрике.

В результате решение суда было оставлено без изменения, а апелляционная жалоба молодой семьи — без удовлетворения. Дед приватизировал квартиру. После его смерти квартира перейдет к уже немолодой дочери. И это снова станет поводом для продолжения семейной медиации: мать намерена подарить унаследованную квартиру своей дочери (т.е. внучке деда), поскольку сама мать не намерена менять свое место жительства и переезжать из пригорода в мегаполис.

Благодаря синтезу состязательного подхода в суде с интеграционным в семейной медиации удается урегулировать многие «тупиковые конфликты». Молодые и пожилые люди нужны друг другу и могут поддерживать друг друга.

Кейс IV. Медиация в спорах с банками и микрофинансовыми организациями

Этот класс конфликтов настолько широк, что заслуживает целого научного исследования [Авдыев 2015]. Здесь же ограничимся одним кейсом. Виктория и ее супруг Виктор стали «жертвами» агрессивной рекламы банков и микрофинансовых организаций, и их первоначальный долг в 50-70 тыс. руб. совершенно естественно превратился сначала в 150 000 тыс. руб. в процессе реструктуризации в банке N, затем тот же банк провел очередную то ли реструктуризацию долга, то ли дополнительную выдачу кредита (история эта довольно «темная»). 575 000 руб. — так сказано в решении районного суда С. Заемщики с отличной кредитной историей, которые вернули банкам аккуратно целую дюжину кредитов, отчаянно пытались свести концы с концами — и идя на поводу у тех же банков, и обращаясь «за помощью» в микрофинансовые организации. (Виктория приобрела огромный жизненный опыт, работая с займами под 1200-2400% годовых за малейшие просрочки). Не существует нормальных видов экономической деятельности, которые позволяют вернуть такие проценты, за исключением перечисленных в Уголовном кодексе РФ. Поэтому ситуация банкротства супругов была вызвана объективными причинами. По данным Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, 90-95% вновь получаемых кредитов в период 2014-2015 гг. направлялась россиянами на погашение ранее полученных кредитов/займов.

Знакомая история?

Увы, это очень знакомая история для шестидесяти миллионов россиян, опутанных кредитными долгами, уже пять миллионов из которых стали экономиче-

скими банкротами. Но за юридический статус признания банкротства пришлось очень настойчиво побороться: «золотые медали» не даются даром!

Сначала медиаторы прибегли к паллиативным методам защиты, поскольку дорога в арбитражный суд рядовым гражданам на практике закрыта вопреки конституционному принципу равенства субъектов перед законом. Сначала были получены отказы от рассмотрения заявления о банкротстве на всех уровнях судебной системы, подана жалоба в ЕСПЧ, которая застряла на таможне по причине «недозволенных вложений», подавали жалобу в Конституционный суд — снова отказ [Определение КС РФ 2014]. Именно поэтому пенсионеры Виктор и Виктория инициировали иск о разделе имущества и долгов супругов в общем суде, предложив кредиторам, привлеченным в качестве третьих лиц к участию в деле, реструктуризацию задолженности сроком на пять лет с выплатой половины ежемесячного дохода супругов и начислением учетной ставки Центробанка РФ.

Районный суд разделил имущество (два телевизора), но оставил без рассмотрения требование о разделе долгов. Далее были: медиация с приглашением всех кредиторов-молчунов, апелляция, кассация, надзор — отказано. Увы, принципы состязательности судом не принимались во внимание, напротив суд проявил трогательную заботу о кредиторах- «молчунах», интересы которых потенциально могут быть нарушены медиативным соглашением. Но практика показала, что кредиторы, саботировавшие мирные процедуры ранее, и в дальнейшем, по делу о банкротстве не изменили своих привычек.

Не нравится реструктуризация? — Не получите ничего

Правоведы-теоретики проводят жаркие дебаты о том, вправе ли супруги заключить медиативное соглашение/брачный договор без согласия кредиторов? Давайте исходить из правовой позиции, провозглашающей свободу заключения договоров, включая брачный либо медиативное соглашение. Кредиторы могут затем оспаривать его условия, но не обладают правом «вето» на договорной процесс. К сожалению, эта позиция не нашла поддержки у судебной системы [Решение Дзержинского районного суда 2014]. К счастью, теперь Виктор и Виктория не обременены графиком реструктуризации долгов. Вот так проигрыш был превращен в выигрыш. С помощью приглашения на процедуры медиатора (был проведен конкурсный отбор его кандидатуры) правозащитникам удалось зафиксировать отказ кредиторов от плана реструктуризации долгов, и это помогло уже на этапе банкротства сразу перейти к процедурам реализации имущества.

Субоптимальное решение состояло в том, что супруги-банкроты предложили бы каждому кредитору выкупить проблемный долг по формуле «рыночная оптовая цена + разумная розничная наценка ~25%», что составляло в 2014 г.: $1,2\% \text{ от номинала} * 1,25 = 1,5\%$. Например, стоимости двух телевизоров хватит, чтобы покрыть полуторамилионный портфель долгов. Самые несговорчивые кредиторы смогут получить исполнение либо на этапе сводного исполнительного производства, либо на этапе реализации имущества должника-банкрота, где будут отчуждаться те же два телевизора. Именно это предложение настойчиво делали кредиторам на досудебном этапе Виктор и Виктория.

Вместо участия в судебных процедурах по делу о банкротстве некоторые кредиторы с помощью крайне непрозрачных процедур получили судебные приказы и обратили взыскание на половину пенсии супругов, а также на «чернобыльские» выплаты в счет возмещения вреда здоровью ветерану ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС Виктору. Напомним, что в процессе банкротства все исполнительные производства прекращаются, а исполнительные документы передаются финансовому управляющему. Вдвойне незаконно пытаться обратить взыскание на платежи в счет возмещения вреда здоровью — это святое с позиции Закона. Медиаторы подготовили несколько жалоб, которые очень долго рассматривал суд, и эта проволочка заставила супругов-пенсионеров поступиться своими правами в этой части. Из-за чрезмерно формализованных процедур банкротства гражданина действует простое эмпирическое правило: для оспаривания одного рубля в пользу должника в процессе процедур банкротства необходимо многократно больше понести судебных издержек.

Результат

Суд полностью освободил супругов Виктора и Викторю от долгов перед кредиторами, включая тех, кто не заявил свои требования в реестр. Возвращаясь назад, можно уверенно сказать, что описанная ситуация медиабельна. Должник и кредитор имеют большой потенциал для конструктивных договоренностей, если откажутся от тактики давления, угроз, дезинформации. Напомним, что Викторю и ее супруг Виктор — заемщики, которые всегда аккуратно исполняли свои обязательства, наработали отличную кредитную историю. И если бы банки проводили более мудрую политику, то они смогли бы договориться о частичном возврате долга, а с учетом «впечатляющих» процентов, такие договоренности были бы справедливыми и законными.

Но банки до конца игры прибегали к авантюрной тактике извлечения односторонних сиюминутных выгод, не принимая в расчет альтернативы банкротства и полного освобождения должников (граждан) от обязательств. В результате использования недобросовестных приемов в переговорах банки проиграли. Таким образом, понимание основ конфликтологии, прогнозирование шагов оппонентов и открытое приглашение к медиации помогли слабой стороне спора — гражданам обрести переговорную силу и защитить свои права в диалоге с сильной стороной — банками и микрофинансовыми организациями даже в том случае, когда были исчерпаны средства защиты во всех инстанциях судебной системы Российской Федерации.

Кейс IV. Роман + Медиация = школа

Такая странная формула объясняется очень просто: у мальчика Романа не было свидетельства о рождении. Нет свидетельства — нет полиса медицинского страхования, а вместе с поражениями в гражданских правах Роман был лишен шансов получить начальное образование и медицинскую помощь. Его мать Роза прошла паспортизацию в тридцать с небольшим лет: она была цыганка. Почти десять лет

она оббивала пороги высоких кабинетов: ЗАГС, Федеральная миграционная служба, ГУ ФСИН (откуда она освободилась семь лет назад), но ответ был неопределенным: дело сдано в архив, информацию предоставить Вам не можем в силу режима персональных данных; а Вы, извините, кем являетесь?! Запрос следует переадресовать в учреждение N. Уже обращались? Ну тогда — в М, и в случае их положительного ответа мы Вам обязательно поможем и т.д.

Медиация и правозащитная деятельность

Наконец, Роза обратилась к медиаторам, которые выступили в роли правозащитников в неравном диалоге с «заботливыми» государственными органами. Сначала решением суда был установлен факт проживания Розы на территории России на дату образования Российской Федерации. Затем Роза, опираясь на это решение, смогла получить свой первый в жизни паспорт гражданина РФ через Федеральную миграционную службу в общем порядке.

Роза страстно желала своему семилетнему сыну Роману счастья и хотела бы, чтобы Роман не потерялся в этой жизни, получил хорошее образование. Но для этого нужны не только талант и усердие, но и деньги, а главное — снова возник пресловутый вопрос о документах.

Единственный документ — справку о рождении ребенка медиаторы смогли истребовать из роддома, но, к сожалению, в фамилии и отчестве Розы были допущены ошибки. На момент рождения сына Роза не могла читать и писать по-русски и этой ошибки не заметила (снова вспомним, что Роза — цыганка, лишь теперь посещающая первые классы вечерней школы). Поэтому в суде, куда было направлено очередное заявление об установлении факта материнства Розы по отношению к сыну Романом, потребовались специальные юридические техники. Напомним, что споры относительно материнства известны человеческой истории еще со времен Царя Соломона, разрешались они на основании свидетельских показаний и здравого смысла. Но кризис семьи и снижение уровня доверия в межличностных отношениях в нашем веке заставляют искать другие, неоспоримые аргументы.

Работа на благо общества

Проведенная психолого-педагогическая экспертиза показала высокую эмоциональную связь Романа со своей матерью. Расходы на психолого-педагогическую экспертизу оказались вполне приемлемыми, и гражданский супруг Розы эту экспертизу оплатил. Однако суд посчитал, что свидетельских показаний и проведенной экспертизы недостаточно. Суд настаивал на проведении дополнительной молекулярно-генетической экспертизы. В силу категорического возражения Розы оплачивать сумму примерно в шестьсот долларов США на проведение молекулярно-генетической экспертизы, суд согласился провести эту экспертизу за счет государственных средств. С помощью специальных маркеров на ДНК родство матери и сына подтвердилось с вероятностью 99,995%. Разумно ли продолжать спорить о небольшой вероятности ошибочности главного вывода молекулярно-генетической экспертизы? По нашему мнению, в силу открытости судебного разбирательства и отсутствия возражений со стороны иных лиц уже было достаточно психолого-педагогической экспертизы.

Главный итог этой истории заключается в том, что, опираясь на определения суда о назначении дела и направление на экспертизу, медиаторы смогли убедить директора школы принять Романа в первый класс без проволочек. И накануне начала нового учебного года Роза заключила договор (теперь она хоть медленно, но читает и может поставить свою подпись) с начальной школой вблизи дома, где проживает со своим сыном и гражданским супругом.

Медиатор в качестве конструктора новых социальных отношений

Заметим, что, как и в истории с самой матерью, многочисленные органы (ЗАГС, органы опеки и попечительства) более чем хладнокровно смотрели на проблемные ситуации, от участия на судебном заседании отказывались, от предоставления ответов на запросы — также. Следовательно, в российской практике медиатору нередко приходится брать на себя роль правозащитника, помогая гражданину и государству наладить нормальный диалог.

Роль медиации в поддержании социального порядка постоянно подчеркивается современными учеными. Так, по мнению Л. Фуллера, «хороший порядок (good order) будет достигаться, если в основе социальных отношений будет лежать один из отвечающих данным целям принципов:

- 1) правовой обычай;
- 2) договор;
- 3) собственность;
- 4) официально провозглашенное право;
- 5) судебское усмотрение;
- 6) управленческое решение;
- 7) голосование;
- 8) медиация;
- 9) случайное решение» [Eisenberg, Fuller 1972: 89-90].

Хорошей иллюстрацией этого принципа на практике является прецедент утверждения медиативного соглашения арбитражным судом по делу № А45-4187/2012 между образовательным учреждением и товариществами собственников жилья по итогам урбанистического конфликта, в котором автор выступил представителем образовательного учреждения и одновременно инициатором процедуры медиации [Авдыев, Крейк 2014].

Преодолевая дисбаланс

Особенностью многих процедур медиаций в российской практике является диспаритет соотношения сил конфликтующих сторон, индифферентное отношение ряда государственных органов, которые нередко оправдывают собственное бездействие, ссылаясь на «белые пятна» в административных регламентах или законе, либо разделяют занимаемую позицию одной из конфликтующих сторон, что лишь усугубляет дисбаланс. В числе факторов, препятствующих началу нормального диалога и медиации, можно отметить также кризис независимой экспертизы: она может быть неоправданно дорогой, сопоставимой с ценой конфликта и

даже превышать ее, она может иметь явно заказной характер, как в рассмотренном нами кейсе II «Ребенок как средство мщения». Наконец, альтернативный судебный способ защиты прав может быть также недоступен в силу отсутствия прецедента из-за новизны рассматриваемого спора, имеющих правовых лакун и вместе с тем — бессистемного законотворчества [Поличка, Поличка 2017].

Подчеркивая отличия медиации от судебного способа разрешения конфликтов, Л. Фуллер отмечал возможность конструирования в процессе медиации новых социальных практик даже в тех случаях, когда конфликт не имеет решения с позиции нормативного регулирования и судебной практики: «В действительности нередки случаи, когда медиатор должен способствовать сторонам не сколько в осознании необходимости следовать общим для них правилам, сколько такие правила разработать. В подобных ситуациях какая-либо структура, которая могла бы задавать границы процессу медиации отсутствует, а задача медиации как раз и заключается чтобы подобную структуру создать» [Fuller 1971]⁶. Следовательно, медиатор — профессия креативная. Помогая сторонам отыскать свой путь к миру, медиатор помогает сконструировать новые социальные отношения, т. е. применить инновационные подходы.

Как происходит семейная медиация онлайн?

Технологиям коммуникаций в семейной медиации посвящен целый ряд фундаментальных и прикладных работ. В работе [Авдыев 2013] детально описана технология онлайн-медиации. Она насчитывает следующие стадии: автоматическая запись сессий диалога/медиации непосредственно с помощью веб-камеры и акустической системы штатными программами операционной системы; квантизация (автоматическая нарезка) видео потока на смысловые фреймы; фильтрация «информационного шума»; аннотирование; индексация; при необходимости — аутентификация фрейма, т. е. сопровождение его электронной подписью (ЭП), вставка фрейма в письменный документ. В результате описанных этапов получается мощный инструмент для создания информации с новым качеством, обладающей ценными потребительскими свойствами.

Скрепленные электронной подписью устные медиативные соглашения обретают юридическую силу наравне с привычными юридическими документами в силу ст. 160 ГК РФ. Когда фрейм соответствует обсуждаемому контексту (релевантный контент), обеспечиваются особенно эффективные условия для коммуникаций и рефлексии. Более того, обеспечение возможности гражданину обратиться с устным запросом через сайты госорганов и получить официальный ответ положительно скажется на эффективности государственных услуг. Возможно, что в ближайшем будущем нас ожидают возможности устного обращения, в те же органы ЗАГС, виртуальные комнаты примирения, разнообразные мобильные сервисы для оказания социальных услуг в многофункциональных центрах и отделениях почтовой связи. По мнению автора, главное препятствие на пути этого гуманистического способа взаимодействия заключается не в технических причинах, а в социальных особенностях российского социума.

⁶ Цит. по [Архипов 2009].

Литература

Авдыев 2013 — *Авдыев М.А.* Современные технологии преддоговорных торгов и урегулирования конфликтов в международных спорах // *Экономикс : научно-практический экономический журнал.* 2013. № 2. С. 75-80.

Авдыев 2015 — *Авдыев М.А.* Институционализация медиации для урегулирования массовых социальных банкротств россиян или как сберечь 300 миллиардов для России // *Современные технологии управления.* 2015. №12 (60) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sovman.ru/article/6001/>

Авдыев, Крейк 2014 — *Авдыев М.А., Крейк А.И.* Синергичные проявления институциональной практики «медиация» // *Психология, социология и педагогика.* 2014. № 1 [Электронный ресурс]. — Доступно по адресу: <http://psychology.snauka.ru/2014/01/2746>.

Архипов 2002 — *Архипов В.В.* Медиация — предмет изучения правовых дисциплин // *Третейский суд.* 2009. № 1 (61). С. 54-57.

Барабаш 2017 — *Барабаш О.* «Мама!» — прошептал приста // *Российская газета – Неделя.* 31.05.2017. №7284 (118) [Электронный ресурс]. — Доступно по адресу: <https://rg.ru/2017/05/31/chto-delat-esli-vtoroj-roditel-ne-ispolniaet-resheniia-suda.html>.

Картошина 2016 — *Картошина О.* Из-за конфликта коммерсантов в Коктебеле гниет урожай винограда // *Новый день.* 20.09.2016 [Электронный ресурс]. — Доступно по адресу: <https://newdaynews.ru/crimea/579994.html>.

Мисливская 2017 — *Мисливская Г.* Одними запретами проблему «групп смерти» в Интернете не решить // *Российская газета. Федеральный выпуск* 17.04.2017. №7248 (82) [Электронный ресурс]. — Доступно по адресу: <https://rg.ru/2017/04/17/minkomsviazi-odnimi-zapretami-problemu-grupp-smerti-ne-reshit.html>

Определение КС РФ 2014 — Определение Конституционного Суда РФ от 23 октября 2014 года № 2493-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Корниловой Натальи Игнатьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 231 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)”». [Электронный ресурс]. — Доступно по адресу: <http://docs.pravo.ru/document/view/67154698/78283504/?mode=full>.

Паркинсон 2010 — *Паркинсон Л.* Семейная медиация. М.: МЦУПК, 2010.

Поличка, Поличка 2017 — *Поличка М., Поличка Н.* Театр правового абсурда // *Эксперт.* 2017. № 27(1036). С. 52-56. [Электронный ресурс]. — Доступно по адресу: <http://www.dvpr.khv.ru/sites/files/dvpr/files/odc221bab61d2a193964.pdf>.

Правосудие 2012 — *Правосудие в современном мире: монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой.* М.: Норма: Инфра-М, 2012.

Распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2014 г. N 1430-р. [Электронный ресурс]. — Доступно по адресу: <https://rg.ru/2014/08/04/mediaciya-site-dok.html>.

Тоффлер, Тоффлер 2005 — *Тоффлер Э., Тоффлер Х.* Война и антивоина. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М.: АСТ : Транзиткнига, 2005.

Уинслэйд, Монк 2009 — *Уинслэйд Дж., Монк Дж.* Нарративная медиация новый подход к решению конфликтов. М.: Центр судебно-правовая реформа, 2009.

Указ Президента РФ 2012 № 761 — Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы». [Электронный ресурс]. — Доступно по адресу: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35418>.

Eisenberg, Fuller 1972 — *Eisenberg M.A. Fuller L.L.* Basic Contract Law. West Publishing Company, 1972.

Fuller 1971 — *Fuller L.L.* Mediation: Its Forms and Functions // Southern California Review. 1971. Vol. 44.

Bloch et al. 2014 — *Bloch A., McLeod R., Toombs B.* Mediation Information and Assessment Meetings (MIAMs) and mediation in private family law disputes // Qualitative research findings. Ministry of Justice Analytical Series. 2014.

Metcalfe, Bogs 1976 — *Metcalfe R. M. and Bogs D. R.* Ethernet Distributing Packet Switching for Local Computer Networks // Commun. On the ACM 1976. Vol. 19. P. 395-404.

Sole 2013 — *Sole M.E.* Family Violence and ODR // December 2013 [Электронный ресурс]. — Доступно по адресу: <http://www.mediate.com//articles/SoleME1.cfm>.

References

Avdyev 2013 — *Avdyev M.A.* Sovremennye tehnologii preddogovornyh torgov i uregulirovaniya konfliktov v mezhdunarodnyh sporah» // Jekonomiks : nauchno-prakticheskij jekonomicheskij zhurnal. 2013. № 2. S. 75-80.

Avdyev 2015 — *Avdyev M.A.* Institucionalizacija mediacii dlja uregulirovaniya massovyh social'nyh bankrotstv rossijan ili kak sberech' 300 milliardov dlja Rossii // Sovremennye tehnologii upravlenija. 2015. №12 (60) [Jelektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: <http://sovman.ru/article/6001/>

Avdyev, Krejk 2014 — *Avdyev M.A., Krejk A.I.* Sinergijnye projavlenija institucional'noj praktiki «mediacija» // Psihologija, sociologija i pedagogika. 2014. № 1 [Jelektronnyj resurs]. — Dostupno po adresu: <http://psychology.snauka.ru/2014/01/2746>.

Arhipov 2002 — *Arhipov V.V.* Mediacija — predmet izuchenija pravovyh disciplin // Tretejskij sud. 2009. № 1 (61). S. 54-57.

Barabash 2017 — *Barabash O.* «Mama!» — prosheptal prista» // Rossijskaja gazeta — Nedelja. 31.05.2017. №7284 (118) [Jelektronnyj resurs]. — Dostupno po adresu: <https://rg.ru/2017/05/31/chto-delat-esli-vtoroj-roditel-ne-ispolniaet-resheniia-suda.html>.

Kartoshina 2016 — *Kartoshina O.* Iz-za konflikta kommersantov v Koktebele gniet urozhaj vinograda // Novyj den'. 20.09.2016 [Jelektronnyj resurs]. — Dostupno po adresu: <https://newdaynews.ru/crimea/579994.html>.

Mislivskaja 2017 — *Mislivskaja G.* Odnimi zapretami problemu «grupp smerti» v Internetne ne reshit' // Rossijskaja gazeta. Federal'nyj vypusk 17.04.2017. №7248 (82) [Jelektronnyj resurs]. — Dostupno po adresu: <https://rg.ru/2017/04/17/minkomsviazi-odnimi-zapretami-problemu-grupp-smerti-ne-reshit.html>

Opređenje KS RF 2014 — Opređenje Konstitucionnogo Suda RF ot 23 oktjabrja 2014 goda № 2493-O «Ob otkaze v prinjatii k rassmotreniju zhaloby grazhdanki Kornilaevoj Natal'i Ignat'evny na narushenie ee konstitucionnyh prav punktom 2 stat'i 231 Federal'nogo zakona «O nesostojatel'nosti (bankrotstve)»»

Parkinson 2010 — *Parkinson L.* Semejnaja mediacija. M.: MCUPK, 2010.

Polichka, Polichka 2017 — *Polichka M., Polichka N.* Teatr pravovogo absurda // Jekspert. 2017. № 27(1036). S. 52-56 [Jelektronnyj resurs]. — Dostupno po adresu: <http://www.dvpr.khv.ru/sites/files/dvpr/files/odc221bab61d2a193964.pdf>.

Pravosudie 2012 — Pravosudie v sovremennom mire: monografija / pod red. V.M. Lebedeva, T.Ja. Habrievoj. M.: Norma: Infra-M, 2012.

Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 30 ijulja 2014 g. N 1430-r. [Jelektronnyj resurs]. — Dostupno po adresu: <https://rg.ru/2014/08/04/mediaciya-site-dok.html>.

Toffler, Toffler 2005 — *Toffler J., Toffler H.* Vojna i antivojna. Chto takoe vojna i kak s nej borot'sja. Kak vyzhit' na rassvete XXI veka. M.: AST : Tranzitkniga, 2005.

Uinslejd, Monk 2009 — *Uinslejd Dzh., Monk Dzh.* Narrativnaja mediacija novyj podhod k resheniju konfliktov. M.: Centr sudebno-pravovaja reforma, 2009.

Ukaz Prezidenta RF 2012 № 761 — Ukaz Prezidenta RF ot 1 ijunja 2012 g. № 761 «O Nacional'noj strategii dejstvij v interesah detej na 2012 - 2017 gody». [Jelektronnyj resurs]. — Dostupno po adresu: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35418>.

Eisenberg, Fuller 1972 — *Eisenberg M.A. Fuller L.L.* Basic Contract Law. West Publishing Company, 1972.

Fuller 1971 — *Fuller L.L.* Mediation: Its Forms and Functions // Southern California Review. 1971. Vol. 44.

Bloch et al. 2014 — *Bloch A., McLeod R., Toombs B.* Mediation Information and Assessment Meetings (MIAMs) and mediation in private family law disputes // Qualitative research findings. Ministry of Justice Analytical Series. 2014.

Metcalfe, Bogs 1976 — *Metcalfe R. M. and Bogs D. R.* Ethernet Distributing Packet Switching for Local Computer Networks // Commun. On the ACM 1976. Vol. 19. P. 395-404.

Sole 2013 — *Sole M.E.* Family Violence and ODR // December 2013 [Jelektronnyj resurs]. — Dostupno po adresu: <http://www.mediate.com//articles/SoleME1.cfm>.